

Соотношение буквального перевода и толкования юридических терминов в уголовно-процессуальной компаративистике

А. А. Тарасов

Уфимский университет науки и технологий,
Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Для цитирования: Тарасов, Александр А. 2024. «Соотношение буквального перевода и толкования юридических терминов в уголовно-процессуальной компаративистике». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 1: 49–66. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.104>

Сравнительно-правовые методики всегда активно использовались в значительной части научных исследований, касающихся проблем уголовного процесса. В настоящее время уголовно-процессуальная компаративистика стала особенно востребованной в силу необходимости постоянного международного обмена законодательным и правоприменительным опытом. В этих условиях возрастают требования к качеству компаративных исследований. Сегодня в науке принято пользоваться законодательными источниками исключительно на языке оригинала, а при сравнительном анализе формулировок нормативно-правовых предписаний сопоставлять не только их общий юридический смысл, но и конкретные оригинальные термины и их контекстное окружение. Комплексный юридико-лингвистический анализ законодательных формулировок из разных национальных правовых систем позволяет выявлять новые смыслы в сравниваемых законах, оценивать эффективность правового регулирования схожих общественных отношений в разных государствах, осознанно заимствовать или отвергать иностранный законодательный опыт. На основе анализа имеющихся в отечественной литературе компаративных уголовно-процессуальных исследований автор утверждает, что выявленные неточности перевода и толкования конкретных иноязычных законодательных терминов нередко приводят исследователей к искаженному пониманию и воспроизведению смысла иностранного законодательства, к ошибочным выводам и оценкам по результатам его сравнения с российскими законоположениями, к непродуктивным попыткам «втиснуть» привычные для российских и русскоязычных юристов правовые явления в иностранные нормативно-правовые рамки. В обозначенном контексте рассматриваются некоторые проблемы теории и практики российского уголовного процесса: участие в деле эксперта и специалиста, свидетельский иммунитет адвоката как носителя профессиональной тайны, порядок его допроса, роль адвоката и адвокатуры в отправлении правосудия. На основе сравнения схожих правовых явлений в разных государствах континентально-европейской правовой семьи предлагаются направления поиска решения имеющихся проблем.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, свидетельский иммунитет, свидетель, эксперт, специалист, адвокатская тайна, адвокат, защитник, правосудие.

1. Введение

Сравнительно-правовые исследования давно заняли собственное весьма достойное место в мировой юриспруденции. Сравнительное правоведение открывает дополнительные возможности для совершенствования национальных правовых систем, позволяет унифицировать методологические основы их развития, осуществлять международное взаимодействие в разных сферах правового бытия. Этим и другим составляющим позитивного вклада правовой компаративистики в совершенствование юридической теории, законодательства разных государств и правоприменительной практики в классической правовой литературе уделено достаточно внимания (Давид, Жоффре-Спинози 1999, 11–14). В последние два десятилетия правовая компаративистика в целом и уголовно-процессуальная компаративистика в частности получили особенно широкое распространение в России в силу большей доступности иностранных законодательства и правоприменительной практики, а также научных работ зарубежных авторов для российских исследователей. Этому же способствовало и преодоление идеологической замкнутости бывшей советской и иных социалистических правовых систем. Сравнительно-правовые методики не просто широко используются в отраслевых юридических науках, в том числе в уголовно-процессуальной науке, они прочно вошли в современную исследовательскую практику и перестали быть чем-то эксклюзивным, придающим авторское звучание любым вариантам их использования. Сравнительное правоведение стало непременной составляющей большинства монографических исследований, посвященных большинству проблем уголовно-процессуального права (Шарипова 2023). В связи с этим постепенно сложились определенные правила использования сравнительно-правового материала, отступления от которых считаются дурным тоном. В числе таких правил обращение только к оригинальным текстам законов сравниваемых государств, а не к их переводам в других цитируемых источниках с непременным приведением сравниваемых юридических терминов, при необходимости вместе с контекстным окружением, не только в переводе на язык самого авторского труда (например, по-русски в русскоязычной научной статье), но и на языке оригинала (Reitz 1998).

Метод сравнительного правоведения в настоящей статье сочетается с методом структурно-системного анализа и синтеза, конкретно-исторического и социологического исследования. Критический анализ имеющихся в современной уголовно-процессуальной и иной специальной юридической литературе компаративных исследований осуществляется в сопоставлении с переводом и толкованием оригинальных текстов иностранных законодательных источников.

Целью работы является не только проверка корректности имеющихся в литературе сравнительно-правовых аналогий или противопоставлений, но и максимально точное понимание правовых идей, заложенных в иностранное законодательство, сравнение их с теми, что отражены в законах России и других государств. Сравнительно-правовое исследование, насыщенное лингвистическим материалом, приобретает большую научную ценность, делает авторскую аргументацию более убедительной, и наоборот — отказ от анализа иноязычного законодательного материала и ошибки в этом анализе заметно снижают качество и самих сравнительно-правовых исследований. Полагаем, что в любом варианте исполнения уголовно-

процессуальная компаративистика и изучение чужих компаративных исследований дают основания для полезных дискуссий по многим актуальным проблемам теории и практики уголовного судопроизводства в России и в других странах. Выявление и анализ типичных ошибок в уголовно-процессуальной компаративистике и их наиболее вероятных причин позволяет сформулировать выводы, имеющие теоретическое и практическое значение.

2. Основное исследование

2.1. Правовая компаративистика как анализ текстов на языке оригинала

Использование в уголовно-процессуальной компаративистике исключительно переводных текстовых источников в последние годы — своего рода дурной тон, однако такой ущербный подход в современной специальной литературе все еще встречается. Проблема здесь не столько в отступлениях от правил научной этики, сколько в том, что авторы вынуждены подгонять под привычные российским юристам правовые конструкции чужие законодательные формулировки, теряя при этом многие важные оттенки смысла использованных терминов и понятий. Думается, что научная статья с претенциозным названием «Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе России и Германии» (Лукичев, Алексеев 2020) по определению должна содержать в себе анализ оригинальных слов и выражений, использованных в германском уголовно-процессуальном законе. На это же настраивало и перечисление германских юридических интернет-ресурсов в самом начале статьи, однако авторы этим и ограничились. Оригинальное немецкое выражение *Sachverständige Zeuge* используется в тексте единственный раз — в отношении «сведущего свидетеля» (§ 85 *Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland* (StPO, Уголовно-процессуального кодекса ФРГ, УПК ФРГ))¹, анализ процессуального статуса которого является лишь малой и совсем не главной частью содержания статьи. В обширном перечне литературных источников названной научной статьи приведены только переводные издания, в том числе наиболее известное русскоязычное германское издание Потсдамского университета — постатейный комментарий *Strafprozessordnung* (Головенков, Спица 2012). В названном источнике оригинальная терминология анализируется очень подробно, с привлечением разных германских нормативных правовых актов, в совокупности с обширным контекстным окружением и отчасти в историческом аспекте. Однако использование даже самых добротных русскоязычных источников не избавляло авторов от необходимости анализировать текст самого германского уголовно-процессуального закона в оригинале. Б. А. Лукичев и С. Г. Алексеев справедливо отмечают, что в УПК ФРГ не используется привычный нам термин «специалист», но упускают куда более важную деталь: германский законодатель обходится и без латинского термина «эксперт», фигурирующего в анализируемой

¹ *Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland* [Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. Принят 01.02.1877, введен в действие с 01.10.1879]. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo>.

статье применительно к УПК ФРГ без каких-либо оговорок. Немецкое сложное слово *Sachverständige* (букв. «понимающий в вещах»), которое в статье приведено только в качестве прилагательного при существительном «свидетель» (*Zeuge*) и по другому поводу, на самом деле используется германским законодателем уже второе столетие для обозначения того, что в современном российском законе названо словом «эксперт». Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ сохранил свою концептуальную основу до настоящего времени, несмотря на смену правителей, политических режимов и названий государств, существовавших на территории Германии, а в период существования ГДР — на территории западных земель ФРГ. Заметим, что использованный в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.² термин «сведущие люди» успешно заменял появившиеся лишь в советское время понятия «эксперт» и «специалист» и выглядел как точный синоним приведенного немецкого слова *Sachverständige*. В названии анализируемой здесь статьи используется это же словосочетание, а в содержании ее авторы полностью перешли на российские термины «эксперт» и «специалист» применительно к обоим сравниваемым законам.

Не откажись авторы от анализа оригинальной немецкой законодательной терминологии, они не смогли бы не заметить, что для обозначения совершенно разных участников процесса — сведущего свидетеля и эксперта — в германском уголовно-процессуальном законе используется одно и то же слово, только в качестве разных частей речи. Последнее характерно и для русского юридического языка: причастия или отглагольные прилагательные (потерпевший, обвиняемый, подозреваемый, подсудимый, председательствующий, осужденный, оправданный) часто становятся названиями участников процесса, т. е. существительными.

Отказ от анализа оригинального текста германского закона привел авторов статьи к еще более заметным содержательным передержкам и неточностям. Так, Б. А. Лукичев и С. Г. Алексеев делают громкое заявление о том, что, в отличие от России, где судебно-экспертная деятельность осуществляется на принципе независимости судебного эксперта, по УПК ФРГ судья вправе руководить деятельностью эксперта настолько, насколько ему это представляется необходимым (дается ссылка на § 78). Столь категоричное противопоставление авторы статьи сопровождают чужим комментарием (Головенков, Спица 2012) приводимого законоположения о том, что на профессиональную сферу эксперта это не распространяется, поскольку «руководство судьи заключается в точной формулировке поручений, предоставлении материалов дела и юридической информированности» (Лукичев, Алексеев 2020, 519). Б. А. Лукичев и С. Г. Алексеев не считают нужным объяснить, что приводимый ими абсолютно верный комментарий П. Головенкова и Н. Спицы полностью опровергает вывод самих авторов статьи о допустимости противопоставления уголовного процесса России и Германии в части отношения к принципу независимости судебных экспертов. Такое странное противопоставление авторы статьи оставили в числе основных различий российского и германского уголовного процесса в части нормативно-правовых основ производства судебной экспертизы.

Между тем § 78 УПК ФРГ — *Der Richter hat, soweit ihm dies erforderlich erscheint, die Tätigkeit der Sachverständigen zu leiten* (букв. «судья, насколько ему это покажет-

² Здесь и далее российские и международные нормативно-правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.consultant.ru>.

ся необходимым, руководит деятельностью экспертов») — необходимо анализировать в совокупности с абз. 1 и 2 следующего § 79 УПК ФРГ. Приведем и переведем эти законоположения и прокомментируем их с учетом сказанного ранее.

§ 79 Vereidigung des Sachverständigen («Приведение эксперта к присяге»)

(1) Der Sachverständige kann nach dem Ermessen des Gerichts vereidigt werden («Эксперт может по усмотрению суда быть приведен к присяге»). Уже здесь российскому юристу самое время задуматься над тем, что по российскому уголовно-процессуальному закону предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения с получением собственноручной подписи эксперта под таким предупреждением — это обязательная часть процедуры назначения экспертизы и приобретения статуса эксперта независимо от чьего-либо усмотрения. Однако и это еще не все.

(2) Der Eid ist *nach Erstattung des Gutachtens* zu leisten; er geht dahin, daß der Sachverständige das Gutachten unparteilich und nach bestem Wissen und Gewissen erstattet habe («Присяга принимается *после представления заключения*; он [суд] исходит из того, что эксперт представил свое заключение беспристрастно и на основе наилучшего знания и убеждения»). Иными словами, германский судебный эксперт обладает априорным доверием суда и приводится к присяге только в том случае, если суд сочтет это необходимым, и уже после представления им заключения. Утверждать вслед за авторами анализируемого здесь сравнительно-правового исследования, что германское правосудие, в отличие от российского, игнорирует принцип независимости судебных экспертов, нет ни малейших оснований. Скорее наоборот: судебный эксперт в Германии априори презюмируется как профессионал высокого класса, по определению не способный лгать суду и давать необъективные заключения. Нельзя не обратить внимания на очень специфичный для правосудия термин *unparteilich*, переводящийся обычно как «беспристрастный», но имеющий более точное для судебного спора значение: *un* — это отрицание, *Partei* — это «сторона» в юридическом споре (или «партия» в политике, что более привычно для русского восприятия), *lich* — это суффикс, типичный для наречий, отвечающих на вопрос «как?». Иначе говоря, буквально это значит что-то типа «вне сторон», хотя в русском языке нет точно-го аналога-наречия, применимого в контексте юридического спора, а в политическом контексте есть — «беспартийный».

Суммируя изложенное, можно констатировать что судья руководит процедурами привлечения эксперта к производству по делу, постановки вопросов перед экспертами, передачи им объектов для исследования и получения заключений экспертов (или их «отчетов», что более близко к дословному переводу термина *Gutachten*). Российская процедура назначения и производства экспертизы в суде мало чем отличается. То же касается утверждения Б. А. Лукичева и С. Г. Алексева о том, что германский судья якобы вправе выбирать эксперта исключительно по собственному усмотрению (со ссылкой на § 73 УПК ФРГ). В названном параграфе действительно сказано, что эксперта выбирает судья. Только ведь и в российском уголовном процессе эксперта выбирает судья, назначающий экспертизу своим властным решением, после обсуждения этого вопроса со сторонами, и едва ли в Германии это не так. Активное участие сторон в любых судебных процедурах — это требование Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950, и Германия следует ее предписаниям. Более того, в § 74 УПК

ФРГ *Ablehnung des Sachverständigen* (букв. «отвод сведущего лица») предусмотрено право сторон заявить мотивированный отвод эксперту, что лишний раз подчеркивает активность состязавшихся сторон в процедурах назначения и производства экспертизы и в оценках экспертных заключений.

Столь же сомнителен вывод авторов, согласно которому будто бы на основании германского УПК экспертиза производится лицами, находящимся на государственной службе, т.е. государственными экспертами. Здесь Б. А. Лукичев и С. Г. Алексеев ссылаются на названный выше комментарий германского закона. Однако если бы авторы анализировали положения самого УПК ФРГ на языке оригинала, они не смогли бы привести никаких аргументов для такого вывода, кроме разве что слова *öffentlich* в § 73, которое переводится как «публичный» или «общедоступный» и лишь в этом смысле и совсем не в первую очередь может переводиться как «государственный» и с теми же основаниями как «общественный». Однозначной связи с государственной службой это слово, имеющееся в нескольких параграфах УПК ФРГ, посвященных производству экспертизы, не имеет, оно лишь подчеркивает необходимость публичной, т.е. официально подтвержденной, деятельности приглашаемого эксперта в определенной сфере науки или искусства, чем и обосновывается пригодность сведущего лица для выражения профессионального мнения в суде. Мысль авторов комментария, на которую ссылаются авторы статьи, ими тоже искажена. П. Головенков и Н. Спица со ссылкой на другие нормативно-правовые акты ФРГ и ее земель утверждают: «Если для определенных видов экспертных заключений назначаются государственные эксперты, другие лица могут быть выбраны, только если это требуется на основании особых обстоятельств». В качестве примера приводятся судебно-медицинские экспертизы (Головенков, Спица 2012, 124). Это утверждение тоже довольно далеко от буквального перевода п. 2 § 73 УПК ФРГ, однако здесь хотя бы из контекста видно, на каком нормативно-правовом основании авторы комментария делают такой вывод. Из статьи Б. А. Лукичева и С. Г. Алексеева никаких оснований для приведенных авторских выводов вообще не усматривается.

2.2. Несовпадение буквального перевода юридических терминов и обозначаемых ими правовых явлений как проблема в уголовно-процессуальной компаративистике

К традиционной сложности и многозначности толкования одних и тех же слов и выражений в юриспруденции в компаративных исследованиях добавляется вариативность перевода многих номинативных единиц. Последнее предопределяет необходимость каждый раз при переводе осуществлять смысловую трансформацию схожих, но не совпадающих полностью правовых явлений. Так, весьма условным выглядит употребление российского официального термина «прокурор» в отношении английского или американского должностного лица, официально названного термином *attorney* (букв. «представитель») с непременным указанием наименования доверителя — «Ее Величества Королевы Великобритании», или «федерации США», или ее отдельного штата. Примечательно, что термин *attorney* в странах общего права с тем же основанием применим и к адвокату, представляющему в судебном процессе любое частное лицо или корпорацию. Кроме того, *attorneys*,

представляющие государственные органы в самих этих странах, тоже весьма существенно различаются между собой и по характеру функций, и по объему полномочий (Додонов, Крутских 2001, 5). Чуть точнее, но тоже не в полной мере идентично звучит российский термин «прокурор» в отношении германского, швейцарского или австрийского *Staatsanwalt*. Неизбежные при переводе смысловые толкования заслуживают обстоятельного научного анализа.

В связи со сказанным полагаем, что анализ самих компаративных уголовно-процессуальных и смежных с ними исследований позволяет выявить такие детали правового регулирования схожих общественных отношений, которые вне сравнительного правоведения, возможно, и вовсе не привлекли бы внимания исследователей.

2.3. Проблема выбора наиболее подходящего варианта перевода юридических терминов

Сравнительно-правовой анализ внешне похожих законодательных формулировок в разных государствах открывает новые возможности в исследовании многих актуальных проблем теории и практики российского уголовного процесса.

В контексте настоящей статьи обратим внимание на законодательное определение уголовно-процессуального свидетельского иммунитета профессионала, т. е. лица, ставшего обладателем неких конфиденциальных или просто нежелательных к разглашению сведений при осуществлении профессиональной деятельности. Этот вариант свидетельского иммунитета закреплен в той или иной форме в уголовно-процессуальном и ином смежном законодательстве подавляющего большинства современных государств. Закрепляя какой-то вариант названного правила в уголовно-процессуальном законе, государство защищает и охраняет не только частные интересы конкретных лиц, обратившихся к конкретным профессионалам, не только деятельность самих этих профессионалов, но и публичный интерес. Последний состоит в праве каждого пользоваться самой разнообразной профессиональной помощью (адвокатов, священнослужителей, врачей, нотариусов, аудиторов, патентных поверенных, психотерапевтов и т. д.), не опасаясь разглашения сведений, значимых лично для обратившегося.

Перечень профессионалов, наделенных свидетельским иммунитетом, в уголовно-процессуальных законах разных государств довольно существенно различается, но он, как правило, исчерпывающий. В уголовно-процессуальном законе Германии (*Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland*) § 53 называется *Zeugnisverweigerungsrecht der Berufsgeheimnisträger* (букв. «право на отказ свидетельствовать носителей профессиональной тайны»: *der Beruf* — «профессия», *das Geheimnis* — «тайна», *der Träger* — существительное от глагола *tragen* — «нести», «носить»). В ст. 171 УПК (StPO) Швейцарии³ то же право, т. е. *Zeugnisverweigerungsrecht*, обозначено несколько иначе — *aufgrund eines Berufsgeheimnisses* (букв. «на основе профессиональной тайны»), но смысл, как видим, законодателями Германии и Швейцарии заложен идентичный. Перечень обладателей названного права

³ Schweizerische Strafprozessordnung (StPO) vom 5 Oktober 2007. Дата обращения 25 января, 2024. <https://fedlex.data.admin.ch/filestore/fedlex.data.admin.ch/eli/cc/2010/267/20230123/de/pdf-a/fedlex-data-admin-ch-eli-cc-2010-267-20230123-de-pdf-a-1.pdf>.

в обеих странах практически одинаковый с одной примечательной особенностью швейцарского закона, принятого относительно недавно, в 2005 г.: названия всех профессий приведены в женском и мужском вариантах (именно в такой последовательности). Последнее отражает общие феминистические тенденции развития европейских национальных правовых систем в минувшем и текущем столетиях. В частности, об адвокатах сказано *Rechtsanwältinnen und Rechtsanwälten*, о врачах — *Ärztinnen und Ärzten* и т. д., что невозможно перевести на русский язык буквально в виду отсутствия у этих русских слов вариантов в женском роде. То же касается психологов, аудиторов и т. д. Известно, что начало деятельности в качестве Федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель — первой в истории Германии женщины на этом посту — повлекло возникновение в немецком языке нового слова *Kanzlerin*, т. е. слова «канцлер» в женском роде, что также невозможно перевести на русский язык буквально.

В большей части перечня профессий российский уголовно-процессуальный закон сравнивать с германским или швейцарским трудно ввиду существенных различий в объеме и содержании этих перечней. Сравним сравнимое — свидетельский иммунитет адвокатов по уголовно-процессуальным законам РФ и ФРГ. В предлагаемом контексте применительно к российскому закону имеет смысл привести точные формулировки из двух федеральных законов — Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК РФ) и Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» (далее — Закон об адвокатуре).

Согласно действующей ч. 3 ст. 56 УПК РФ, «не подлежат допросу в качестве свидетелей: <...> 2) адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого — об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого; 3) адвокат — об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь». Согласно ч. 2 ст. 8 Закона об адвокатуре, адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля. Разница между двумя российскими законами не выглядит сколько-нибудь существенной, однако зафиксируем факт ее наличия, ибо он пригодится для анализа современной российской практики.

Сравнение российского и германского уголовно-процессуальных законов начнем с главного. В германском уголовно-процессуальном законе свидетельский иммунитет адвоката⁴ обозначен с помощью формулы «право на отказ свидетельствовать» (*Zeugnisverweigerungsrecht*). Иными словами, адвоката можно вызвать на допрос в органы расследования или в суд, перед адвокатом можно официально поставить вопросы, на которые он, по мнению допрашивающего, должен ответить, а адвокат, оценив эти вопросы, вправе отказаться от дачи свидетельских показаний, ссылаясь на свою профессиональную обязанность хранить адвокатскую тайну. Однако и это не все. Согласно специальному правилу § 56 УПК ФРГ, обладатель права отказаться от

⁴ Здесь и далее германского *Rechtsanwalt* будем называть так, имея в виду, что речь идет о юристе, правомерно занимающемся профессиональной адвокатской деятельностью.

дачи показаний в случаях (in den Fällender), предусмотренных в § 52–54 (наш случай предусмотрен, напомним, в § 53), обязан удостоверить факты, на которых он основывает свой отказ свидетельствовать (die Tatsache, auf die der Zeuge die Verweigerung des Zeugnisses... stützt... glaubhaft zu machen). Специально отметим, что делается это «по требованию» (auf Verlangen) допрашивающего властвующего субъекта, и достаточным доказательством достоверности фактов в этом случае признается личное подтверждение этих фактов самим свидетелем под присягой (Es genügt die eidliche Versicherung des Zeugen, букв. «достаточно присяжного подтверждения свидетеля»).

Суммируем сказанное о свидетельском иммунитете германского адвоката. На допрос в качестве свидетеля адвоката вызвать не запрещено. Напротив, из указания в законе на «личное удостоверение фактов» и на «удостоверение под присягой» прямо следует, что вызов на допрос адвоката — обыденная практика и как минимум часть общего процедурного ритуала общения адвоката с правоохранительными органами, ведущими производство по уголовному делу. Решение о вызове принимает должностное лицо, уполномоченное на собирание доказательств по уголовному делу. В досудебном производстве это прокурор (Staatsanwalt) либо полицейские, производящие допросы и готовящие обвинение к рассмотрению его в суде. В судебном производстве это суд. Вызвав адвоката на допрос, властвующий субъект ставит перед адвокатом вопросы, интересующие его по данному делу, а адвокат решает, будет ли он давать показания по этим вопросам. Если адвокат отказывается давать показания, он должен подтвердить свой адвокатский статус и сослаться на адвокатскую тайну, которой он связан. Властвующий субъект вправе требовать подтверждения сказанного адвокатом под присягой, а может и обойтись без этой части процедуры. Последнее, как полагаем, и объясняет смысл употребления в законе дополнения auf Verlangen (т. е. «по требованию», «по запросу»), которого может и не быть. Наличие такого запроса предполагает несколько равно ожидаемых реакций адвоката: он либо официально присягает, подтверждая правомерность своего отказа давать показания, и не дает показаний, либо, отказавшись от присяги, дает показания, тем самым официально отказываясь от свидетельского иммунитета, либо превращается в лицо, неправоммерно отказавшееся от дачи показаний со всеми последствиями, предусмотренными в том числе уголовным законом. Подчеркнем, что адвокат не вправе воспользоваться своим свидетельским иммунитетом по делам о трех прямо названных в § 53 УПК ФРГ видах преступлений: 1) представляющих угрозу внутренней или внешней безопасности Германии; 2) «против полового самоопределения» (sexuelle Selbstbestimmung); 3) связанных с «отмыванием» доходов (Geldwäsche, букв. «стирка (прачечная) денег»). Иными словами, процедура реализации свидетельского иммунитета сориентирована еще и на эту особенность германского уголовного процесса. С учетом того, что УПК ФРГ действует с 1880-х годов, резонно предположить, что все эти процедуры отработаны до автоматизма и сформировали стабильные стереотипы профессионального поведения, основанные на понимании бессмысленности злоупотреблений. Выгоды от злоупотреблений сомнительны, а тяжесть последствий несомненна и для должностных лиц правоохранительных органов, и для адвокатов.

По российскому уголовно-процессуальному закону формулировка «не может быть допрошен в качестве свидетеля» без всякого толкования буквально означает принципиальную невозможность приобретения адвокатом статуса свидетеля вне

специально оговоренных в законе случаев, даже если адвокат, будучи законопослушным гражданином, явился по вызову следователя и официально отказался от дачи показаний. Следователь не вправе начинать официальную процедуру допроса, как только выяснится, что перед ним находится адвокат, не желающий давать показания об обстоятельствах, ставших ему известными при осуществлении адвокатской деятельности, и не имеющий на это специальных правомочий от его доверителей. Отметим, что российский закон, в отличие от германского, не предусматривает никаких исключений для каких-то категорий уголовных дел. Дальнейшие процессуальные действия, нацеленные на наделение адвоката статусом свидетеля по данному уголовному делу, незаконны и не порождают юридических последствий. Буквальное прочтение текста УПК РФ дает основания только для такой оценки предусмотренных законом процедур. Российский Закон об адвокатуре содержит дополнительное уточнение: «не может быть вызван» на допрос в качестве свидетеля. Последнее правило, кажущееся верным по сути и выглядящее какой-то дополнительной гарантией для адвоката, не в полной мере совпадает с правилом ст. 56 УПК РФ, а значит, в силу требований ст. 7 УПК РФ, применению в сфере уголовного судопроизводства подлежит все-таки правило УПК РФ. Иными словами, прямого запрета на вызов адвоката на допрос в качестве свидетеля по уголовному делу в уголовно-процессуальном законе не содержится, но в нем есть прямой запрет на допрос адвоката в качестве свидетеля.

В отечественном адвокатском сообществе бытует мнение, что российская формулировка закона «не может быть допрошен» выглядит более предпочтительной в силу своего особого «оградительного потенциала». Если человек не может быть допрошен в качестве свидетеля, то бесперспективно шантажировать его, призывая все-таки дать эти показания, взывать к его совести, подкупать с целью отказаться от свидетельского иммунитета — раз адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля, значит, допрашивать его нельзя. Вызывать адвоката на допрос бессмысленно, если предметом допроса являются сведения, составляющие адвокатскую тайну, а сам адвокат инициатором такого допроса не выступает. С подобным подходом можно было бы вполне согласиться, если ориентироваться исключительно на текст закона, который не дает оснований для другого его понимания. Однако российская практика применения анализируемых законоположений заставила несколько иначе посмотреть на эту проблему.

В адвокатской периодической печати широко обсуждаются случаи произвольного обращения с законом и со свидетельским иммунитетом адвоката, дошедшие в том числе до Конституционного Суда РФ (Павлова 2019). В частности, в июне 2018 г. адвокат Адвокатской палаты города Москвы Игорь Бушманов был вызван на допрос следователем, который проигнорировал отказ адвоката от дачи показаний и составил протокол его допроса в качестве свидетеля. В протоколе запись показаний отсутствовала по причине отсутствия самих показаний. Но, получив такой процессуальный документ, следователь как мог достиг собственной процессуальной цели: принял решение об отводе защитника — адвоката Бушманова — ввиду недопустимости совмещения статуса защитника со статусом свидетеля. Понятно, что эта ситуация вызвала острую реакцию адвокатского сообщества⁵.

⁵ «Адвокатская палата г. Москвы — о ситуации с принудительным приводом адвоката на допрос». *Адвокатская газета*. 2018. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.advgazeta.ru/novosti/ap-g-moskvy-o-situatsii-s-prinuditelnym-privodom-advokata-na-dopros>.

Даже на первый, поверхностный взгляд этот «тактический ход» следователя не выглядит ни законным (адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля), ни профессиональным. Личность конкретного адвоката никогда не была фактором, стопроцентно определяющим качество профессиональной юридической помощи или неуязвимость позиции защиты. Стремление удалить из дела конкретного адвоката — это, как правило, суррогатное, паллиативное средство, не способное ни укрепить обвинение, ни повлиять на его доказательственную базу. Сложившийся стереотип российского профессионального правосознания, основанный на завышенной, возведенной в абсолют оценке личности конкретных адвокатов, не может не льстить прежде всего самим адвокатам, но юридического существа проблемы не отражает. Конечно, такое средство способно временно «дать продержаться на плаву» слабому или незаконному обвинению, особенно в случае замены одного адвоката на другого, с которым у следователя есть некий «корпоративный сговор». Но здесь рано или поздно может возникнуть непреодолимое для обвинения препятствие в виде воли самого подзащитного. Описанный «тактический ход» ущербен и с точки зрения правомерности, и с точки зрения целесообразности. Предпринимать его может только такой носитель властных полномочий, который несомненно убежден в распространенности подобной практики и в поддержке руководства собственного ведомства.

К сожалению, описанная практика не нова и не оригинальна. А. В. Рагулин в монографии 2011 г., посвященной гарантиям прав адвоката, обусловленных его профессиональной деятельностью, среди прочих классифицируемых им прав верно называет «право требовать запрещения вызова на допрос и производства допроса адвоката в качестве свидетеля» (Рагулин 2011, 115). Автор обращает внимание, как выяснилось, на не столь уж редкие случаи отвода неудобного следствию адвоката-защитника с помощью изготовления протоколов его допросов в качестве свидетеля. В книге А. В. Рагулина проанализированы научные дискуссии, связанные с обсуждением этой российской практики, в которых отдельные авторы склонны видеть причины ее возникновения, в числе прочего, в неудачности каких-то формулировок закона. По российской же традиции не обошлось и без личного вмешательства президента тех лет Д. А. Медведева в процесс искоренения описанной практики.

Опрос автором 100 студентов уровня магистратуры двух российских юридических вузов в двух разных регионах страны позволил выявить, что лишь 7% опрошенных считают приведенную практику законной, но при этом 82% уверенно заявили, что, если адвокат стал свидетелем по уголовному делу, пусть даже в нарушение уголовно-процессуального закона, защитником он оставаться не может. Остальные затруднились ответить на эти вопросы, сама последовательная постановка которых вызвала недоумение. Любопытно, что приблизительно такое же соотношение количества мнений характерно и для практикующих юристов (8% и 76% соответственно), среди которых мы намеренно не выделяли адвокатов. Общая тенденция ответов такова: понимаем, что незаконно, но если уж случилось, то сделать ничего нельзя. На самом деле это, конечно же, не так — неправомерное действие должностного лица не порождает юридических последствий, и для официального признания этого действия незаконным существуют процедурные механизмы. Понятно, что использование этих механизмов требует времени и до-

полнительных действий, которым в адвокатской работе всегда можно найти более рациональное применение.

Однако не будем тратить усилия на описание способов решения имеющейся «адвокатской проблемы» и вернемся к уголовно-процессуальной компаративистике. Напомним, что в уголовно-процессуальном законе Германии лицо, вызванное на допрос, но отказавшееся от дачи показаний, прямо названо «свидетелем» (Zeuge), однако без получения от этого лица показаний никакого противоречия между процессуальными статусами (свидетеля и защитника, либо представителя) для германского адвоката не возникает. Реализуемая в германском уголовном процессе схема общения адвокатом с правоохранительными органами выглядит очевидно более понятной и логичной. Свидетель, не имеющий права быть стороной в процессе, — это лицо, дающее показания на официальном допросе в досудебном и судебном производстве по уголовному делу, а не просто человек, которому статус свидетеля формально навязан. Германский уголовно-процессуальный закон помогает не допустить проблемы правоприменительной практики, подобной той, что получила столь широкое распространение в России. По германскому закону, в принципе невозможен тот тупик, из которого почему-то не видит корректного выхода подавляющее большинство даже начинающих российских юристов с высшим образованием, еще не отягощенных профессиональными поведенческими стереотипами, не говоря уже о тех юристах, которые имеют практический опыт работы в современной российской правовой реальности.

Элементарное сравнение уголовно-процессуального закона и практики его применения в двух европейских государствах позволяет не только увидеть решение практической проблемы, но и искренне удивиться, каким образом эта проблема вообще могла возникнуть. Если свидетельский иммунитет конкретного лица есть и он обусловлен конкретными обстоятельствами, то должна быть официальная процедура для выяснения и факта наличия такого иммунитета, и допустимости его применения в данном случае. В Германии подобная процедура имеется, она не так уж сложна и прямо предусмотрена в уголовно-процессуальном законе.

Нет сомнений в продуктивности и полезности компаративных правовых исследований, позволяющих определить оптимальные пути решения проблем отечественного уголовного процесса. Тем интереснее вернуться к разговору о качестве сравнительно-правовых исследований, требования к которому будут постоянно возрастать пропорционально степени их распространенности.

2.4. Неточности в буквальном переводе юридических терминов как фактор, снижающий уровень доверия к компаративному исследованию

Рассмотрим еще один пример. М. А. Карташов — адвокат Адвокатской палаты Калининградской области и Адвокатской палаты Берлина — в июле 2021 г. опубликовал профессионально грамотную и содержательную статью о современной реформе адвокатской деятельности в ФРГ (Карташов 2021). Статья насыщена компаративистским материалом, актуальность и ценность которого для российского читателя, прежде всего для представителей адвокатского сообщества, трудно переоценить. Из статьи читатель узнаёт о специализированных адвокатских судах,

рассматривающих в Германии разные дела в отношении адвокатов и являющихся подразделениями органов судебной системы ФРГ на всех уровнях. Материал новый и эксклюзивный, заслуживающий безусловного внимания всей юридической общественности разных государств. Несомненный интерес для профессионалов представляют сведения о введении с января 2022 г. персональных электронных почтовых ящиков германских адвокатов, через которые предполагается дистанционно вести любые адвокатские дела, об обеспечении любых или почти любых контактов адвокатов не только с собственной клиентурой, но прежде всего с органами государства, занятыми в разрешении дел их клиентов. Во всех случаях анализа этих довольно необычных для российских юристов правовых явлений М. А. Карташов приводит в скобках оригинальные немецкие наименования, которые сами по себе представляют интерес в силу своей нетрадиционности и новизны для отечественной специальной литературы. Автор свободно владеет немецким языком, живет в Германии, имеет опыт ведения дел в нескольких странах с официальным немецким языком, его профессиональная компетентность и содержательная ценность статьи не вызывают никаких сомнений, как и необходимость и корректность использования компаративистских методик при освещении заявленной темы.

Приведение новых юридических, а точнее, официальных законодательных терминов на языке оригинала, бесспорно, оживляет восприятие предпринятого автором исследования, позволяет убедиться в добротности авторского анализа и осознанно оценить его результаты. Оригинальная немецкая терминология приводится во всех случаях цитирования закона. Во всех, кроме одного — самого первого, специально выделенного автором и по смыслу задающего тон всем последующим рассуждениям автора. Вот этот-то случай и вызвал особый интерес в контексте настоящей статьи.

М. А. Карташов в самом начале своей статьи цитирует Федеральный распорядок адвокатской профессии, первая редакция которого вступила в силу 01.08.1959, следующим образом: «Адвокат является независимым органом осуществления правосудия» (Карташов 2021) (в авторском тексте это выражение выделено жирным шрифтом). Данное утверждение не может не вызывать недоумения у русскоязычного юриста, привыкшего к законодательному принципу осуществления правосудия только судом. Принцип этот, как известно, вовсе не является российским изобретением, а прямо вытекает из принципа разделения властей, лежащего в основе конституционного устройства любого современного демократического государства. Стало быть, единственным органом, осуществляющим правосудие, является суд и только суд. Едва ли Германия могла закрепить в одном из основополагающих законов, определяющих содержание правосудия, что-то прямо противоположное. Повторимся: в компетентности автора — не только российского, но и германского (столичного, берлинского) адвоката — сомневаться тоже не приходится. Приведи автор оригинальное немецкое выражение, которое, судя по контексту исследования, он цитирует или воспроизводит, сомнения, на наш взгляд, развеялись бы. Было бы понятно, что автор именно так толкует германский закон. Но оригинальной цитаты из закона он не приводит, полагая, вероятно, что она и так известна любому читающему.

Прежде чем проанализировать это оригинальное выражение, использованное в германском законе, добавим, что со словом «орган» в рассматриваемом контексте

у российского юриста ассоциируются либо государственные органы, должностные лица которых в уголовном процессе реализуют властные полномочия, либо корпоративные органы управления разных юридических лиц, в том числе органы управления в адвокатском сообществе. Единоличные органы в этом понимании тоже бывают, но называть «органом» самого адвоката в российском юридическом обиходе не принято. Не принято сейчас и не было принято когда-либо в истории российской адвокатуры. Последнее, разумеется, не является главным в анализируемом авторском суждении, однако также заслуживает внимания.

Название цитируемого нормативно-правового акта в оригинале — Bundesrechtsanwaltsordnung — в тексте статьи тоже, к сожалению, не приводится, однако речь идет именно о нем. Во-первых, названный документ является аналогом российского Закона об адвокатуре. Во-вторых, М. А. Карташов приводит почти буквальный перевод его названия с минимальной русскоязычной адаптацией: Bundes («федеральный»), Rechtsanwalt (букв. «правозащитник» — законодательное название адвокатов в странах с официальным немецким языком), Ordnung (букв. «порядок», «распорядок»).

Параграф 1 Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO) называется Stellung des Rechtsanwalts in der Rechtspflege (букв. «положение адвоката» в некоей сфере деятельности, названной в германском законе об адвокатуре Rechtspflege) и содержит единственное короткое предложение Der Rechtsanwalt ist unabhängig Organ der Rechtspflege. Буквальный перевод этого предложения почти точно воспроизведен М. А. Карташовым: «Адвокат — это независимый орган...» того, что названо словом Rechtspflege. Это немецкое двукоренное слово часто используется и в законах, и в юридической практике. Recht — это «право», Pflege — это «попечение», «забота», «уход». «Правосудие» (или даже «судопроизводство») — лишь один из нескольких вариантов перевода этого термина, в равной мере используемого как в законах, так и в германской, австрийской, швейцарской, а также в переводной русскоязычной литературе и в отношении правоохранительной деятельности прокурора, и в отношении правозащитной деятельности адвоката, и в отношении юрисдикционной деятельности суда (Филимонов 1997, 5). М. А. Карташов, к сожалению, выбрал наименее подходящий к анализируемой им ситуации вариант перевода — «осуществление правосудия».

С немецким термином Organ вопрос решается проще, поскольку он может переводиться на русский язык и как собственно «óрган», но и как синоним слов Körperschaft («корпорация») или Vereinigung («объединение», «союз»). Конечно, по-русски это звучит несколько непривычно, но думается, что место не столько адвокатуры в целом (Rechtsanwaltschaft), сколько персонально каждого адвоката (именно Rechtsanwalt в единственном числе) в германской системе правосудия в законе определено весьма четко. В российском законе адвокат как единоличный субъект правоотношений в сфере правосудия вообще никак не обозначен, притом что взаимоотношения адвокатуры в целом как профессиональной правозащитной корпорации с государством определяются специальной ст. 3 Закона об адвокатуре, и взаимоотношения адвоката с адвокатским сообществом урегулированы достаточно детально. Полагаем, что именно такой независимый статус лично самого адвоката в системе германского правосудия и счел необходимым подчеркнуть М. А. Карташов, с тем чтобы далее в статье показать, как эти независимость и роль в правосудии обеспечиваются и реализуются в современной реформируемой ад-

вокатуры в Германии. Адвокат — это самостоятельный единоличный субъект публичной деятельности, нацеленной на осуществление действительного правосудия в стране — вот что главное в адвокатской профессии в любом правовом государстве, вот что указано в германском законе об адвокатуре, вот что определяет содержание любых преобразований в ней. Автор освещает и превосходно иллюстрирует именно эту принципиальную идею, с которой невозможно не согласиться. Однако отмеченная досадная неточность в переводе конкретной фразы из закона сослужила автору недобрую службу в использовании компаративистской методики правового исследования в целом.

Любопытно, что на самом доступном германском юридическом сайте www.gesetze-im-internet.de Google-переводчик предлагает совершенно иной перевод на русский язык выражения *Der Rechtsanwalt ist unabhängig Organ der Rechtspflege*: «Адвокат — это независимый орган, ответственный за отправление правосудия»⁶. И это чистая правда: правозащитная деятельность адвоката в уголовном судопроизводстве, в частности, обеспечивает состязательность процесса и тем самым действительное правосудие в самом высоком понимании этого слова. Профессиональный долг адвоката состоит не в том, чтобы «выгородить преступника», как иногда примитивно считают, а в том, чтобы защитить права человека, подвергающегося уголовному преследованию. Защитить их настолько качественно, чтобы государственная обвинительная машина либо обеспечила несомненную доказанность выдвинутого против этого человека обвинения, либо отказалась преследовать его перед судом. Суд же, в свою очередь, разрешая конфликт между обвинением и защитой, либо констатирует виновность и осуждает преступника, либо оправдывает подсудимого, признав обвинение недоказанным. Это и есть правосудие, и за него действительно отвечает, и не в последнюю очередь, адвокат. Именно лично адвокат, а вовсе не адвокатская корпорация в целом несет персональную ответственность за свой профессиональный правозащитный вклад в торжество правосудия в стране. Адвокатура же в целом — это лишь организационная форма объединения профессиональных правозащитников для решения каких-то общих задач. Адвокатура в целом в конкретных судебных процессах нигде в мире не участвует.

Понятно, что приведенный здесь перевод — машинный, который, как правило, далек от глубокого понимания формулируемых в законе правовых понятий. Тем важнее подчеркнуть, что этот перевод столь же далек от буквального, т. е. дословного, и представляет собой скорее изложение смысла законодательного определения адвоката. В оригинальном тексте приведенного параграфа закона нет ни слова об ответственности адвоката, однако предложенный Google-переводчиком вариант в данном случае не грешит против истины.

К сожалению, нельзя сказать того же о многих других переводах германских законоположений в германских же юридических интернет-ресурсах. Так, положение п. 2 § 2 цитируемого закона *Seine Tätigkeit ist kein Bewerbe* переведено как «Его [адвоката] деятельность не является *торговлей* (выделено мной. — А. Т.)», что на русском языке выглядит довольно странно. Мысль законодателя из этого перевода ясна, и она тождественна аналогичному российскому законоположению о некоммерческом характере адвокатской деятельности (п. 2 ст. 1 Закона об адвокатуре —

⁶ Bundesrechtsanwaltsordnung (BRAO). Дата обращения 25 января, 2022. <https://www.gesetze-im-internet.de/brao/BJNR005650959.html>.

«Адвокатская деятельность не является предпринимательской»). Однако немецкое слово *Bewerbe*, переводящееся на русский язык не только как «торговля», но и как «предпринимательство», «коммерция», или просто как синоним международного английского слова «бизнес», здесь почему-то переведено в наименее подходящем варианте своего значения. Для русскоязычного юриста такой перевод выглядит в лучшем случае простой банальностью, зачем-то записанной в текст закона, — конечно же, адвокатская деятельность не является торговлей, как она не является медициной или музыкой. При этом столь же понятно, что некоммерческий характер адвокатской деятельности прямо связан с решением иных юридических вопросов — налогообложения, порядка государственной регистрации юридических лиц, лицензирования и т. д.

Вместе с тем в случае с определением роли адвоката в германском правосудии именно смысловой, небуквальный перевод текста закона отражает действительное положение дел: адвокат несет профессиональную ответственность за осуществление правосудия.

3. Выводы

Качественная уголовно-процессуальная компаративистика сегодня невозможна без анализа оригинальных слов и выражений, использованных в зарубежном законодательстве. Любые аналогии и противопоставления между нормативно-правовыми предписаниями, регулируемыми в разных государствах сходные общественные отношения, становятся продуктивными и наглядными только благодаря анализу буквального перевода и смыслового толкования конкретных юридических терминов, использованных законодателями этих государств.

Отказ от контекстного толкования положений иностранного законодательства на языке оригинала, встречающийся в современной российской уголовно-процессуальной компаративистике, способен приводить авторов к искаженному пониманию и воспроизведению зарубежных нормативно-правовых предписаний, к их ошибочным оценкам на предмет соответствия российским аналогам.

Наличие нескольких вариантов перевода одних и тех же слов и выражений в зарубежных нормативно-правовых источниках требует от авторов компаративных исследований системного толкования иностранных юридических терминов не только в ближайшем контекстном окружении, но и с учетом места соответствующего правового понятия в национальной правовой системе конкретного государства.

Системное контекстное толкование иностранных правовых понятий в компаративных уголовно-процессуальных исследованиях позволяет выявлять и анализировать новые аспекты многих актуальных проблем теории и практики российского уголовного судопроизводства, определять оптимальные пути их решения с учетом нормотворческого и правоприменительного опыта других государств.

Библиография

Головенков, Павел, Наталья Спица. 2012. *Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия — Strafprozessordnung (StPO)*: науч.-практ. коммент. и пер. текста закона со вступ. ст. проф. Уве Хелльманна. Потсдам: Universitätsverlag Potsdam.

- Давид, Рене, Камилла Жоффре-Спинози. 1999. *Основные правовые системы современности*. Пер. с фр. М.: Международные отношения.
- Додонов, Вячеслав Н., Виктор Е. Крутских. 2001. *Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование*. М.: Норма.
- Карташов, Михаил. 2021. «Реформа адвокатской деятельности в Германии. Накануне 150-летия германской адвокатуры в ее правовом регулировании произошли важные изменения». *Адвокатская газета*. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/reforma-advokatskoj-deyatelnosti-v-germanii>.
- Лукичев, Борис А., Сергей Г. Алексеев. 2020. «Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе России и Германии». *Notothenika: Философия. Социология. Право* 45 (3): 516–526.
- Павлова, Зинаида. 2019. «КС: допрос адвоката в качестве свидетеля по делу подзащитного без санкции суда не может вести к его отводу». *Адвокатская газета*. Дата обращения 25 января, 2024. <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-dopros-advokata-v-kachestve-svidetelya-po-delu-podzashchitnogo-bez-sanktsii-suda-ne-mozhet-vesti-k-ego-otvodu>.
- Рагулин, Андрей В. 2011. *Профессиональные права адвоката-защитника, обусловленные гарантиями независимости адвоката: проблемы законодательной регламентации и практической реализации*. М.: Изд-во Евразийск. науч.-исслед. ин-та проблем права.
- Филимонов, Борис А. 1997. *Защитник в германском уголовном процессе*. М.: Спарк.
- Шарипова, Алия Р. 2023. «Конвергенция процессуального права — перспектива для уголовного процесса». *Правовое государство: теория и практика* 73 (3): 187–191.
- Reitz, John C. 1998. “How to do comparative law”. *The American Journal of Comparative Law* 46 (4): 617–636.

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2021 г.;
рекомендована к печати 2 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Тарасов Александр Алексеевич — д-р юрид. наук, проф.; aatar@mail.ru

Correlation of translation and interpretation of legal terms in comparative legal studies of criminal proceedings

A. A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology,
32, ul. Zaki Validi, Ufa, 450076, Russian Federation

For citation: Tarasov, Alexander A. 2024. “Correlation of translation and interpretation of legal terms in comparative legal studies of criminal proceedings”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 1: 49–66. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.104> (In Russian)

Comparative legal methods have always been actively used in a significant part of scientific research into the problems of criminal proceedings. Currently, comparative criminal procedure has become especially in demand due to the need for constant international exchange of legislative and law enforcement experience. Under these conditions, the requirements for the quality of comparative studies themselves are increasing. Today in science it is customary to use legislative sources exclusively in the original language, and in a comparative analysis of the wording of legal regulations to compare not only their general legal meaning, but also specific original terms in their contextual environment. A comprehensive legal and linguistic analysis of legislative formulations from different national legal systems allows us to identify new meanings in compared laws, evaluate the effectiveness of legal regulation of similar social

relations in different states, and consciously borrow or reject foreign legislative experience. Based on the analysis of comparative criminal procedural studies available in the domestic literature, the author argues that identified inaccuracies in the translation and interpretation of specific foreign language legislative terms often lead researchers to a distorted understanding and reproduction of the meaning of foreign legislation, to erroneous conclusions and assessments based on the results of its comparison with Russian legal provisions, to unproductive attempts to “squeeze” legal phenomena familiar to Russian and Russian-speaking lawyers into foreign legal frameworks. In this context, some problems of the theory and practice of the Russian criminal process are considered: the participation of an expert and specialist in the case, the witness immunity of a lawyer as a holder of professional secrets, the procedure for his interrogation, the role of a lawyer and the bar in the administration of justice. Based on a comparison of similar legal phenomena in different states of the continental European legal family, directions for finding solutions to existing problems are proposed.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, witness immunity, witness, expert, specialist, attorney-client privilege, lawyer, defense attorney, justice.

References

- David, Rene, Camilla Zhoffre-Spinozi. 1999. *Basic legal systems in the modern world*. Rus. ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. (In Russian)
- Dodonov, Viacheslav N., Viktor E. Krutskikh. 2001. *Prosecutor's office in Russia and abroad. Comparative study*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Filimonov, Boris A. 1997. *Defense lawyer in German criminal proceedings*. Moscow, Spark Publ. (In Russian)
- Golovenkov, Pavel, Natalia Spitsa. 2012. *Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany — Strafprozessordnung (StPO)*. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law with an introductory article by Professor Uwe Hellmann. Potsdam, Universitätsverlag Potsdam Publ. (In Russian)
- Kartashov, Mikhail. 2021. “Reform of legal practice in Germany. On the eve of the 150th anniversary of the German Bar, important changes have occurred in its legal regulation”. *Advokatskaia gazeta*. Accessed January 25, 2024. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/reforma-advokatskoy-deyatelnosti-v-germanii>. (In Russian)
- Lukichev, Boris A., Sergei G. Alekseev. 2020. “Comparative legal analysis of regulations governing the production of forensic examination and the procedural status of knowledgeable persons in the criminal process of Russia and Germany”. *Nomothetika: Filosofii. Sotsiologiia. Pravo* 45 (3): 516–526. (In Russian)
- Pavlova, Zinaida. 2019. “Constitutional Court: interrogation of a lawyer as a witness in the client's case without court approval cannot lead to his recusal”. *Advokatskaia gazeta*. Accessed January 25, 2024. <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-dopros-advokata-v-kachestve-svidetelya-po-delu-podzashchitnogo-bez-sanktsii-suda-ne-mozhet-vesti-k-ego-otvodu>. (In Russian)
- Ragulin, Andrei V. 2011. *Professional rights of a defense lawyer, conditioned by guarantees of the independence of a lawyer: Problems of legislative regulation and practical implementation*. Moscow, Izdatel'stvo Evraziiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta problema prava Publ. (In Russian)
- Reitz, John C. 1998. “How to do comparative law”. *The American Journal of Comparative Law* 46 (4): 617–636.
- Sharipova, Aliia R. 2023. “Convergence of procedural law — a perspective for criminal procedure”. *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika* 73 (3): 187–191. (In Russian)

Received: September 26, 2021

Accepted: November 2, 2023

Author's information:

Alexander A. Tarasov — Dr. Sci. in Law, Professor; aatar@mail.ru